

A person with spiky black hair, wearing a dark, hooded cloak, stands with their back to the viewer. They are looking up at a large, glowing blue face that appears to be made of energy or magic. The face has large, intense eyes and intricate patterns of light. The scene is set in a forest with vibrant orange and red autumn leaves. In the background, there are stone steps leading up to a building with statues on either side. The overall atmosphere is mysterious and magical.

Whisperwind Whisperwind

Тень Магии

18+

Whisperwind Whisperwind

Тень Магии

<https://litres.ru/74101054>

SelfPub; 2026

Аннотация

С давних времён существовала такая вещь, как магия. Люди с детства, в семь лет, проходили ритуал посвящения, на котором раскрывали свою внутреннюю силу.

Кадзуки Ли был ею обделён, он не владел магией и считался пустым местом среди сверстников. В 15 лет всё изменилось. Он непонятным способом обрёл неизвестную силу, но тогда это было уже не важно, ведь она у него появилась, с помощью которой он сумел поступить в Академию магии, где ему предстояло не только найти новых друзей и сражаться, но и преодолеть свои самые сокровенные страхи.

Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержание

Глава 1-4	4
Глава 5-6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Whisperwind Whisperwind

Тень Магии

Глава 1-4

ВВЕДЕНИЕ

Деревня в колыбели льда

Мир был прекрасен в своей безмятежности. Утро в заснеженной деревушке дышало чистотой. Первые лучи солнца, пробиваясь сквозь густую пелену хвойного леса, золотили белые крыши домов, превращая сугробы в россыпи драгоценных камней. Здесь время словно замерло: люди, жившие в этой глуши, не знали ни войн, ни предательств, ни горьких потерь. Их жизнь была простой и спокойной, как течение горного ручья.

Но судьба — капризная богиня, и её гнев всегда приходит внезапно.

День пролетел в привычной суете, но когда небо окрасилось в глубокий индиго, тишину разорвал кошмар.

Сначала послышался глухой гул, затем — оглушительный грохот, от которого задрожала сама земля.

Из тени леса, подобно призракам, вышли они. Неизвестные фигуры в иссиня-черных одеяниях, чьи лица скрывали безжизненные белые маски с очертаниями кошачьих морд-

чек. Это не было нападение — это была бойня.

— Нет! Прошу, не надо! — истошный крик соседа разрезал ночную мглу.

— Пощадите! У нас же дети! Умоляю!

Но мольбы тонули в хаосе. Маски не выражали ни гнева, ни жалости — лишь холодное, механическое исполнение приказа. Клинки сверкали в свете пожаров, и алая кровь, горячая и темная, лилась на белоснежный покров, мгновенно исчезая в глубоких сугробах, словно сама земля пыталась спрятать следы этого грехопадения.

На самой окраине, вдали от разгорающегося ада, стоял одинокий дом. Внутри, в мягком полумраке, царила иная реальность. Молодая женщина сидела в кресле, нежно прижимая к груди годовалого малыша. Ребенок спал, мирно вздыхая, и мать, замороженная его безмятежностью, не могла оторвать взгляда от его крошечного лица. Вдруг покой был растоптан. Сквозь стены просочился едкий запах гари, а в окна ворвался отблеск огня. Снаружи донеслись крики — те самые, от которых стынет кровь в жилах.

— О боже... — прошептала она, и её глаза расширились от ужаса.

Инстинкт, более древний и сильный, чем страх смерти, взял верх. Не раздумывая, не тратя времени на сборы, она накинула тяжелую куртку, крепко прижала спящего сына к себе и бросилась вон из дома.

Её путь лежал вверх. Она бежала по склону, спотыкаясь о

корни и проваливаясь в снег, не замечая холода, кусающего кожу. Единственным ориентиром была высокая гора. Внизу деревня превращалась в пылающий костер, а небо затягивало дымом. Наконец, она достигла вершины. Здесь, над бездной, протекала широкая река, отражавшая в своих темных водах холодное сияние огромной луны. Девушка упала на колени, хватая ртом разреженный воздух. Сердце колотилось о ребра, словно раненый зверь. Но тишина гор была обманчивой. Повернувшись, она застыла. Из тени скал, бесшумно, словно тени самих гор, выходили фигуры в черном. Маски-кошки тускло блестели в лунном свете. Они окружили её. Мир сузился до этого момента. В голове проносились тысячи сценариев, но ни один не был счастливым. Сердце матери разрывалось на части: спасти его ценой своей жизни или позволить им забрать обоих? Слезы, горячие и соленые, покатались по её щекам, замерзая на ледяном ветру. Она посмотрела на спящее дитя, чья невинность казалась невозможной в этом проклятом мире.

— Всё хорошо, мой милый... — её голос был едва слышим шепотом, сорванным и дрожащим. Она приникла губами к его крошечному ушку.

— Мама рядом... и всегда будет рядом. Даже если... даже если не так, как должно быть.

Она медленно поднялась, отступая к самому краю обрыва. Сзади слышался мерный, пугающий шаг убийц. Впереди — лишь бездна и холодная река. Она сделала последний вдох,

глядя в бездонные глаза сына, который в этот миг приоткрыл их, словно чувствуя финал.

— Прощай... — выдохнула она. Её руки, дрожащие, но полные решимости, разжались. Тело ребенка сорвалось с края. Маленький сверток полетел вниз, прорезая ночной воздух.

Плюх.

Всплеск воды утонул в тишине. Луна продолжала безразлично смотреть на мир.

ГЛАВА 1

Черная бездна внезапно раскололась. Кадзуки резко вдохнул, словно вынырнул из ледяной воды на поверхность. Зрение возвращалось рывками. Вместо снега и кровавой луны перед глазами предстали знакомые очертания стен института. Сердце колотилось в грудной клетке, как пойманная птица, а в ушах всё ещё стоял тот пронзительный, полный отчаяния крик женщины.

«Та девушка... Она плакала...» — мысли путались, создавая в голове хаос. — «Кто это был? Что это за место? Почему я видел это?!»

Он зажмурился, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Хватит, — твердо прошептал он самому себе, пытаясь подавить нарастающую панику. — Это просто дурной сон. Всего лишь обрывок кошмара. Больше ничего.

Сделав глубокий, прерывистый вдох, он заставил се-

бя выпрямиться. Нужно идти. Учеба, расписание, обычная жизнь... Кадзуки двинулся к главным воротам, стараясь сосредоточиться на звуках города, чтобы заглушить эхо того безумия. Он почти добрался до цели, как вдруг реальность снова дала сбой. Свет дня померк, и перед глазами вновь воцарилась темнота. Но на этот раз это была не пустота бездны. Он почувствовал прикосновение.

Чьи-то руки — мягкие, нежные, теплые — накрыли его веки, отсекая мир.

«Снова?! Зачем она это делает?!» — паника вновь подступила к горлу, холодная и липкая. В этот миг он почувствовал чье-то дыхание у самого уха. Тихий, меланхоличный, почти невесомый шепот заставил волоски на его затылке встать дыбом:

— Угадай, кто это?.. Напряжение в теле Кадзуки мгновенно испарилось. Ужас, только что сковывающий его движения, сменился усталой, но теплой улыбкой. Он осторожно убрал чужие ладони от своего лица.

— Мидзуки, — вздохнул он, глядя в её лукавые глаза. — Может, хватит при каждой нашей встрече вот так вот закрывать мне глаза? Ты меня до инфаркта доведёшь.

Мидзуки слегка нахмурилась, надув губы в притворном возмущении, но в её глазах плясали искорки смеха.

— Ну да ладно тебе! — фыркнула она. — Зато такой способ гарантированно поднимает тебе настроение, разве нет?

— Ага... ну, в этом ты права, — Кадзуки усмехнулся, чув-

ствуя, как тяжесть в груди постепенно отступает. — Спасибо.

Лицо Мидзуки мгновенно преобразилось. Она расцвела в улыбке — такой светлой и чистой, что, казалось, даже серое небо над институтом стало чуть ярче.

— Н... не за что! — смущенно пробормотала она и, перехватив его руку своей, потянула к дверям института. Но не успели они сделать и пары шагов, как тишину нарушили громкие выкрики, доносившиеся со стороны входа. Они едва успели обернуться, как трое парней, словно сорвавшись с места, буквально навалились на Кадзуки, сбивая его с ног.

— Ну, дружище, ты даешь! — раздался жизнерадостный голос. — Где тебя носило целую неделю? Мы уже реально начали за тебя волноваться!

Кадзуки оказался погребён под горой дружеских объятий. Один из парней небрежно поглаживал его по взлохмаченным волосам, второй крепко обхватил за плечи, а третий — высокий и широкоплечий — весело похлопывал по спине. Это были Кирилл, Кион и Ларк. В обществе, где магия была мерилom человеческой ценности, Кадзуки был приговорен к клейму «ничтожества». Человек без магического ядра — пустое место, низшее звено, об которого привыкли вытирать ноги. Но эти трое... они видели в нем не отсутствие силы, а человека.

— Ну что, пошли внутрь? — негромко спросил Ларк, первым заметив, что Кадзуки замер.

Ноги Кадзуки на мгновение стали ватными, а сердце

вновь предательски ускорило темп. Кошмарный образ матери, бросающей ребенка в реку, на миг всплыл перед глазами, перекрывая смех друзей. Однако, стиснув зубы и подавляя дрожь, Кадзуки заставил себя подняться. Он не позволит теням того ужасного кошмара победить. — Да... пошли, — ответил он, и, не оборачиваясь, твердым шагом направился к дверям института, в окружении своих верных товарищей. Как только пятерка переступила порог института, привычный гул коридоров сменился чем-то более зловещим. Воздух словно наэлектризовался, но не от магии, а от яда, разлитого в голосах окружающих. Первыми это услышали не звуки, а ощущения. Кадзуки почувствовал, как в грудь вонзились невидимые, ледяные иглы.

— О-о-о, смотрите-ка, кто соизволил явиться! — раздался звонкий, пропитанный издёвкой голос из толпы. — Это же наш герой! Тот самый «пустышка», у которого внутри нет ни капли магии!

Коридор взорвался хохотом. Это не был веселый смех друзей — это был сухой, лающий звук толпы, которая нашла новую жертву для развлечения. Кто-то грубо толкнул Кадзуки плечом, проходя мимо, кто-то выкрикнул очередное оскорбление, словно проверяя, насколько далеко можно зайти. — Да ладно тебе, не будь таким грубым! — вклинился другой голос, в котором сквозила фальшивая, приторная насмешка. — Ты преувеличиваешь. Тыкать пальцем — это некрасиво. У него же есть имя... правда, ничтожество?

Смех усилился, став оглушительным. Казалось, стены института вибрируют от этого презрения, а само пространство сжимается, пытаясь раздавить Кадзуки. Он привык. Он выстроил внутри себя крепость, надеясь, что броня достаточно крепка. Но реальность такова: даже если ты привыкаешь к боли, она всё равно остается болью. Каждое слово било точно в цель, оставляя кровоточащие раны на его самооценке. Кадзуки лишь сильнее опустил голову, уставившись в пол, и попытался мысленно закрыться в темном коконе, абстрагируясь от всего мира.

«Просто иди дальше. Не слушай. Они — пустота. Они — просто шум...» — твердил он про себя, но голос в голове дрожал. Внезапно он почувствовал тепло. Маленькая, мягкая ладонь крепко сжала его руку, вырывая из оцепенения. Мидзуки подошла почти вплотную, загораживая его от взглядов одноклассников. Она наклонилась к самому его лицу, так близко, что он почувствовал легкий аромат её духов, перекрывший запах пыли и чужого высокомерия.

— Не волнуйся, — прошептала она, и её голос, тихий, но невероятно решительный, прорезал шум толпы. — Не обращай внимания на этих дурней. Они могут управлять стихиями, но в их головах нет ни капли истинной силы. Они ничего не смыслят в магии, если не знают, что такое человеческое достоинство.

Её слова подействовали как глоток свежего воздуха в душной комнате. Кадзуки поднял на неё взгляд, и в её глазах он

увидел не жалость, а искреннюю поддержку. Рядом послышались тяжелые шаги. Кирилл, Кион и Ларк встали по бокам от него, образовав живой щит. Они не вступали в перепалку — им не нужно было кричать, чтобы заставить толпу замолчать. Один лишь их суровый, спокойный взгляд и решительная поза говорили красноречивее любых заклинаний. Они не давали обидчикам возможности подойти ближе.

— Идем, Кадзуки, — негромко, но твердо сказал Ларк, слегка коснувшись его плеча. — Нам еще нужно подготовиться к урокам.

— Да, — подхватил Кион, придав голосу бодрости, — сегодня будет отличный день, вот увидишь!

Они двинулись вперед единым фронтом. Пятеро против всего мира. И хотя за спиной всё еще слышались обиженные выкрики и приглушенные смешки, Кадзуки больше не чувствовал себя одиноким. Сжатая рука Мидзуки и негласная защита друзей давали ему силы переставлять ноги. Они шли по коридору, прокладывая путь сквозь море презрения, к дверям класса, где начинался их общий бой за право быть собой. Двери кабинета захлопнулись за их спинами, но тишина не принесла облегчения. В классе царила тяжелая, липкая атмосфера. Стоило пятерке войти, как десятки взглядов вонзились в них, словно невидимые стрелы. Это не были взгляды любопытства — это было холодное, высокомерное осуждение. Однокурсники, сбившиеся в группы, продолжали перешептываться, обмениваясь ядовитыми ухмылками, стои-

ло Кадзуки поднять голову. Друзья молча заняли свои места, создав вокруг Кадзуки невидимый защитный периметр. Они сидели тихо, стараясь не подавать виду, что чувствуют ту же неприязнь, но напряжение в их плечах выдавало их с головой.

Прошло пять минут томительного ожидания. Дверь открылась с едва слышным щелчком, и в класс вошёл Цзы Бай. Его шаги были почти бесшумными, а аура — ледяной и дисциплинированной. Он не тратил время на приветствия. Подойдя к доске, он взял мел и короткими, резкими движениями вывел тему занятия:

«Магия — это... ?»

Цзы Бай повернулся к классу. Его взгляд, пронзительный и бесстрастный, медленно прошёлся по рядам.

— Сегодняшний урок посвящен самому фундаменту вашего существования, — его голос звучал ровно, но в нем чувствовалась стальная мощь. — Понятие «магия» индивидуально. Для кого-то это инструмент, для кого-то — стихия, для кого-то — смысл жизни. Но именно от того, как вы определяете это понятие, зависит, какой путь вы пройдёте как маги. Мы не будем просто слушать теорию. Каждый из вас должен будет озвучить свое видение. В конце занятия я выберу тот ответ, который будет наиболее глубоким и истинным.

Сердце Кадзуки пропустило удар. В животе возник неприятный холод, а ладони мгновенно стали влажными. Он по-

чувствовал, как внутри всё сжалось в тугой узел.

— Начнем, — Цзы Бай заглянул в журнал, и его взгляд остановился на нужной строчке. — Кадзуки Ли. Ты первый. Расскажи нам, что для тебя магия? Тишина, наступившая в классе, была оглушительной. Кадзуки медленно, словно налитый свинцом, поднялся со своего места. Ноги были ватными. Он чувствовал на себе сотни глаз: одни — издевательские, другие — равнодушные, третьи — сочувствующие. Он замер перед учителем, встретившись с холодным, изучающим взглядом Цзы Бая.

— Ну... для меня магия — это... — начал он, и его голос предательски дрогнул. Он попытался подобрать слова, найти ту самую искру смысла, которая была бы правдивой, но слова застревали в горле.

— Извините, учитель! — звонкий, самоуверенный голос разрезал тишину. Это был Рен — один из лучших учеников класса, чей талант всегда был подкреплён безграничным высокомерием. Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, и на его губах играла дерзкая ухмылка.

— Можно вопрос? — спросил он, не сводя глаз с Кадзуки.

— Да, — сухо ответил Цзы Бай, даже не удостоив ученика взглядом.

— Как можно задавать такой вопрос человеку... который магией в принципе не владеет? — Рен сделал паузу, наслаждаясь моментом, и его голос стал еще громче. — Это же всё равно что спрашивать совета у каменной стены или пы-

таться научить рыбу летать. Это просто бессмысленно!

Класс взорвался. Это был не просто смех — это был торжествующий, издевательский рев. Ученики тыкали пальцами в Кадзуки, кто-то хлопал по парте, кто-то едва сдерживал хохот, закрывая рот ладонью. Воздух, казалось, задрожал от этой коллективной жестокости. Кадзуки не стал спорить. Он не стал оправдываться. Он просто почувствовал, как внутри что-то треснуло.

С глухим стуком он сел на место, уставившись в одну точку на парте. Его лицо превратилось в неподвижную маску. Весь оставшийся урок прошел как в тумане. Он не слышал ни определений других учеников, ни сухих комментариев учителя. Он видел лишь размытые пятна перед глазами и слышал лишь фоновый гул, который казался ему предсмертным звоном его собственного достоинства. Когда наконец раздался звонок, возвещающий об окончании занятия, Кадзуки не стал ждать ни секунды. Он рванул с места так стремительно, что стул с грохотом отлетел назад. — Кадзуки! Подожди! — донёсся до него встревоженный голос Мидзуки. Она попыталась перехватить его у выхода, протянув руку, но он уже пронёсся мимо, словно ураган.

— Эй, приятель, не кипятись, мы рядом! — крикнул вслед Кион, но его голос быстро затих в коридоре.

Кадзуки бежал. Его шаги гулко отдавались в пустоте коридоров. Он не видел ни лиц, ни стен, ни улыбок друзей. В его голове пульсировала лишь одна, единственная, невыно-

симая мысль: «Домой. Только бы поскорее оказаться дома... в тишине.».

ГЛАВА 2

Парень, тяжело переводя дух после долгого бега, наконец добрался до дома, но надежда на спокойствие рассыпалась в ту же секунду, как он переступил порог.

В воздухе повисло холодное, почти осязаемое молчание, а взгляды родных встретили его так, будто он был не частью семьи, а чем-то лишним, посторонним, ошибкой, случайно оказавшейся в их нем доме. И лишь младшая сестра, стоявшая чуть в стороне, смотрела на него не с презрением, а с тихим, скрытым сожалением — таким, которое не способно вслух утешить, но всё же выдаёт внутреннюю боль за него. Он всё понял без слов. Понял, что здесь ему не рады, что сейчас лучше не искать ни объяснений, ни поддержки, потому что любое сказанное слово только усилит это тяжёлое чувство пустоты.

Молча опустив взгляд, он снял обувь, даже не пытаясь встретиться с кем-то глазами, и, не обращая внимания на давящее присутствие семьи, прошёл к лестнице и поднялся на второй этаж. Каждый шаг давался ему так, словно на плечах лежал не рюкзак, а целая гора усталости, унижения и разочарования. Войдя в свою комнату, он щёлкнул выключателем, и тёплый свет на миг разогнал сумрак, но не смог разогнать то, что было у него внутри. Он снял рюкзак, бросил его куда-то в сторону, словно вместе с ним хотел сбросить с себя

весь этот день, весь этот тяжёлый мир, где не осталось ни одного по-настоящему безопасного места. Затем, уже почти не чувствуя собственного тела, он без сил рухнул на кровать, провалившись в мягкую темноту так быстро, будто сон был единственным убежищем, которое ещё готово было его принять.

Золотистые лучи рассвета, словно острые лезвия, вонзились в комнату, разрезая полумрак и заставляя пылинки танцевать в воздухе. Кадзуки сидел на краю кровати, чувствуя, как тяжесть прожитого дня всё ещё давит на плечи. Его тень, длинная и изломанная, замерла на полу.

— Ну вот опять... новый день, — прошептал он, и этот шепот потонул в тишине пустой комнаты. Его пальцы дрожали, когда он касался лямок портфеля. Каждый шаг к лестнице казался восхождением на эшафот. Но тишину разорвал голос, от которого по спине пробежал мороз.

— Кадзуки, выходи! Пора завтракать! — Голос матери, Янь Ли, был обманчиво спокойным, но в этой мягкости чувствовалась сталь, готовая обрушиться на любого, кто посмеет медлить.

— Или мы все будем ждать только тебя одного?

— Да... иду, — едва слышно ответил он, стараясь не выдать дрожь в голосе.

Спустившись, он попал в атмосферу, пропитанную невидимым напряжением.

За столом сидела семья Ли — воплощение совершенства

и магической мощи. Кадзуки опустил голову, стараясь стать невидимым. Когда Янь Ли позволила начать трапезу, тишина стала почти осязаемой. Только звон столовых приборов нарушал этот гнет. Внезапно звон прекратился. Янь Ли поставила чашку с чаем на стол.

Этот звук — клац — прозвучал как выстрел стартового пистолета. Все замерли.

— Ну что, Доми, — Янь Ли перевела взгляд на дочь, и её лицо смягчилось, приобретая черты благосклонной богини. — Может, расскажешь, чего ты смогла добиться за это время учёбы?

Доми поднялась. Её движения были выверены, как у натренированного солдата. Она смотрела матери прямо в глаза, не позволяя себе ни единого лишнего жеста.

— Да, мама. Я сейчас изучаю барьерную магию, — её голос звучал чисто и уверенно. — Я значительно улучшила структуру плетения, чтобы усилить защиту нашего особняка.

Улыбка Янь Ли была едва заметной, но она сияла ярче солнца.

— Молодец. От тебя другого я и не ожидала.

Доми вернулась на место, сохраняя ледяное спокойствие. Но следующим под прицел попал Фин.

— Фин...? Как твои успехи?

Он встал с такой энергией, будто в нем был заложен мощный магический импульс. В его глазах горел огонь амбиций.

— Да, матушка! — выпалил он. — Я освоил искусство холодного оружия и теперь могу вкладывать ману непосредственно в лезвие, усиливая его разрушительную мощь!

Лицо матери озарилось триумфальной улыбкой. Она смотрела на своих детей как на драгоценные камни, которые она сама же охраняла.— Молодец, Фин. Продолжай в том же духе.

А затем... атмосфера в комнате мгновенно похолодала. Температура, казалось, упала на десять градусов. Янь Ли медленно повернула голову к Кадзуки. Её взгляд, только что бывший теплым, стал острым, как скальпель, и бездонным, как пропасть.

— Ну а теперь... Кадзуки, — её голос был лишён эмоций, превратившись в сухой, колючий лед. — Как твои успехи?

ГЛАВА 3

Сердце Кадзуки совершило кульбит и забилось о ребра, словно пойманная в клетку птица. В ушах зашумело. Он чувствовал на себе взгляды братьев и сестры — не сочувствующие, а скорее... ожидающие провала.

Он начал подниматься. Каждое движение было мучительно медленным. Колени подгибались, а ладони стали влажными. Он чувствовал, как под этим взглядом его магия — та самая, которая не поддавалась, та, что была «неправильной» — скручивается внутри, пытаясь спрятаться. Он встал, глядя в пол, и в этой тишине ему казалось, что он слышит, как тикают часы, отсчитывая секунды до его окончательного па-

дения.

В ту же секунду за столом будто что-то треснуло. Сначала это была лишь тишина — вязкая, тяжёлая, почти невыносимая. Кадзуки стоял неподвижно, с опущенными глазами, стиснув пальцы так сильно, что костяшки побелели. Он уже открыл рот, собираясь ответить, но в этот миг старший брат, не дав ему сказать ни слова, презрительно усмехнулся и заговорил вместо него.

— Да тут и так всё ясно, — бросил он лениво, откидываясь на спинку стула. — Он просто настолько жалок, что даже добиться ничего толком не смог. Ничтожество, а не маг.

Слова прозвучали громко, резко, как удар по стеклу. И сразу же за ними последовали насмешливые взгляды. Кто-то из членов семьи едва заметно хмыкнул, кто-то с притворной легкостью подмигнул, будто сказанное было не жестоко-стью, а безобидной шуткой за ужином. Один за другим они начали соглашаться — спокойно, буднично, словно унижение Кадзуки было чем-то само собой разумеющимся.

— Ну да, в общем-то правда, — протянул один.

— Он всегда был слабее, — добавил другой.

И только сестра молчала. Она сидела неподвижно, с напряжёнными плечами и застывшим взглядом, наблюдая за тем, как на её глазах снова и снова ломают того, кого она хотела защитить. Её губы чуть дрогнули, а в глазах блеснула боль — не от слов брата, а от собственного бессилия. Слеза уже почти собралась на ресницах, но она так и не позволила ей

упасть.

Кадзуки почувствовал, как внутри него что-то глухо оборвалось. Его сердце забилось чаще, дыхание стало неровным. Он медленно поднял голову и посмотрел на старшего брата, и в этом взгляде впервые за долгое время не было покорности. Только злость. Тяжёлая, горячая, рвущая изнутри.

— Хватит, — выдохнул он, резко вышев из-за стола. Стул сдвинулся по полу с неприятным скрежетом.

Кадзуки стоял прямо, с опущенными вдоль тела руками, но даже сейчас было видно, как он дрожит от сдерживаемого гнева. Он больше не хотел терпеть. Не хотел слушать, как его превращают в пустое место прямо перед всей семьёй.

— Ты совсем забылся? — его голос сорвался, но он всё равно заставил себя говорить. — Почему ты имеешь право говорить обо мне так, будто я ничего не стою?

Старший брат только усмехнулся ещё шире.

— А в чём я не прав? — холодно ответил он. — Всё ведь очевидно. Ты и правда ничтожество.

На мгновение Кадзуки застыл. Он хотел возразить. Хотел крикнуть, что старается, что сражается, что каждый день держится из последних сил. Хотел сказать, что они ничего не знают о том, через что ему приходится проходить. Но слова не вышли. Потому что против него сидела не просто семья — против него сидел весь этот стол, вся эта холодная, безразличная тишина, все эти взгляды, уже заранее решившие, кто прав, а кто нет. Он понял, что его никто не поддер-

жит. Даже если он сейчас закричит, даже если сорвётся, даже если попытается доказать хоть что-то — его всё равно не услышат. Поэтому он просто замолчал.

Кадзуки медленно отвёл взгляд, будто в один миг потерял последние силы. Затем так же спокойно, как и встал, он взял свой портфель, перекинул его через плечо и направился к выходу. За его спиной тут же послышался нервный шорох. Сестра резко поднялась из-за стола и почти бегом догнала его у двери.

— Кадзуки, подожди, — тихо позвала она, заглядывая ему в лицо. — Что с тобой? Почему ты так уходишь?

В её голосе слышалась тревога. Она говорила осторожно, словно боялась задеть его ещё сильнее, чем это уже сделал весь дом. Кадзуки остановился. На секунду ему показалось, что если он сейчас посмотрит на неё, то не выдержит. Потому что именно она единственная действительно пыталась понять. Именно она оставалась рядом, когда остальные только смеялись. И от этого становилось ещё больнее. Он чуть повернул голову и ответил очень тихо, почти шёпотом:

— Я не голоден.

Это был короткий ответ, но в нём было слишком много всего: усталость, обида, злость, стыд и то глубокое, не проговариваемое чувство, которое остаётся, когда человек больше не хочет показывать свою слабость. Сестра замерла. Она явно поняла, что дело вовсе не в еде. Но не стала давить. Только сжала пальцы на платье, опустила взгляд и отступила на

шаг, словно позволяя ему уйти, хотя в её глазах отчётливо читалось беспокойство.

Кадзуки открыл дверь. В лицо ему тут же ударил прохладный воздух, и на мгновение это показалось спасением. Он сделал шаг наружу, не оглядываясь, и тяжёлая дверь за его спиной тихо закрылась, отрезая его от дома, где его снова только что унизили. Он шёл вперёд молча, с портфелем на плече и с пустотой внутри. Но чем дальше он отходил от дома, тем сильнее в груди нарастало другое чувство — не сломенность, а тихая, болезненная решимость. Если они считают его слабым, если для них он всего лишь жалкий человек, не способный ни на что, тогда однажды он заставит их увидеть, как они ошибались.

ГЛАВА 4

Когда он направился в университет, его шаги сначала были тяжёлыми и неровными, но постепенно становились всё увереннее.

Ветер трепал края одежды, улица жила своей обычной жизнью, а он чувствовал себя так, словно идёт не на учёбу, а навстречу чему-то гораздо большему — тому моменту, когда его молчание наконец закончится.

Слова брата всё ещё эхом отдавались в сознании Кадзуки, тяжёлым осадком оседая на душе. Он шел к университету медленным, размеренным шагом, словно пытаясь вытравить из мыслей каждое сказанное слово. Но уличный воздух, наполненный свежестью и шумом просыпающегося го-

рода, действовал целительно. Здесь, среди толпы, он наконец ощутил прилив жизни. Гнев утих, тревога отступила, уступая место странному, почти звенящему спокойствию. Ничто не сковывало его движения, ничто не тянуло назад. Достигнув центральной площади перед величественными стенами университета, Кадзуки замер. Он остановился прямо посреди площади, глядя куда-то вдаль, словно собираясь с духом перед новым днем. Его нога уже занеслась для следующего шага, когда мир внезапно погрузился в мягкую темноту. Тонкие, прохладные женские ладони накрыли его глаза. Сердце Кадзуки пропустило удар. В груди вспыхнуло острое недоумение, а в голове пронеслись десятки тревожных мыслей, но прежде чем он успел среагировать, к самому уху прикоснулось теплое дыхание.

— Угадай, кто пришел? — прошептал нежный, едва уловимый голос.

Этот шепот подействовал как ключ к запертой двери. Вся тревога мгновенно испарилась, сменившись волной облегчения, хоть это происходило каждый день.

Кадзуки мягко, почти осторожно, убрал руки девушки от своего лица. На его губах заиграла слабая, но искренняя улыбка.

— Я и так знаю, что это ты, Мидзуки, — негромко произнес он.

Мидзуки театрально вскинула брови, изображая крайнюю степень удивления, хотя в глубине её глаз плясали искры ра-

дости. Ей чертовски приятно было, что он узнал её даже в такой момент. Они обнялись — мимолетное, но теплое объятие, полное дружеского тепла, — и обменялись приветствиями.

— Эй! Вы чего тут застряли? — звонкий голос вырвал их из момента. К ним, смеясь и толкая друг друга, приближалась «золотая тройка». Они были рядом с самого первого дня поступления, став для него не просто товарищами, а настоящей семьей, порой даже более близкой, чем кровные родственники.

Кадзуки посмотрел на них, и в его взгляде читалась глубокая благодарность. Он знал их секрет: каждый из них обладал мощной магической силой, способной сокрушать стены. Но они сознательно подавляли свои способности, храня их в тени, лишь бы не создавать дистанции между собой и Кадзуки.

Эта их жертвенность и негласное равенство делали их связь нерушимой.

— Ну что, идем? Начнём очередной день вместе? — Кион по-дружески хлопнул Кадзуки по плечу.

Смеясь и перебрасываясь шутками, компания двинулась в сторону главных ворот института. Солнечные блики играли на их лицах, и в этот момент Кадзуки казалось, что, несмотря на все трудности, он находится именно там, где должен быть.

Шаги компании гулко отдавались от стен института. Им невероятно повезло — учиться в одном классе было их ма-

ленькой общей победой. Но идиллия разбилась вдребезги в тот же миг, когда в широком коридоре время словно замедлило свой бег.

Резкое движение. Тень. Чья-то грубая ладонь вцепилась в запястье Мидзуки, и в следующее мгновение она уже была прижата к холодной стене. Мир вокруг замер. Друзья Кадзуки оцепенели, а в воздухе повис липкий, удушающий страх.

Это не были обычные задиры из задних рядов. Перед ними стояли те, чьи имена заставляли замолчать даже преподавателей — истинные хозяева этого заведения.

Эскофье склонился к ней, его лицо было пугающе близко. В его глазах читалось не желание, а жажда обладания.

— Будешь моей. Это не вопрос, — процедил он, глядя прямо в расширенные от ужаса зрачки Мидзуки.

— Нет... — её голос дрожал, но она нашла в себе силы вытолкнуть это слово. — Я не хочу... с тобой...

В ту же секунду атмосфера в коридоре накалилась до предела. Лицо Эскофье исказилось от ярости. Его пальцы сомкнулись на руке девушки с такой силой, что послышался едва уловимый хруст, а из горла Мидзуки вырвался сдавленный вскрик.

«Мидзуки...» — сердце Кадзуки пропустило удар. Его тело превратилось в камень. Парализующий ужас сковал мышцы, не давая сделать и шага. Он видел её слезы, слышал её мольбы о помощи, и каждый её всхлип вонзался в него раскаленной иглой.

«Почему я не могу пошевелиться?! Проклятье, почему я просто стою?! Она же... столько раз меня спасала, защищала. Что я за друг такой, если даже близкому мне человеку не могу помочь?!»

Но затем что-то внутри него надломилось. Страх, копившийся годами, вдруг сторел в ослепительном пламени решимости. Боль за подругу стала сильнее инстинкта самосохранения.

Резкий рывок. Рука Кадзуки, не дрогнув, накрыла запястье Эскофье, заставляя того ослабить хватку.

Тяжелый, зловещий взгляд Эскофье медленно перевел фокус. Его глаза, полные первобытной угрозы, впились в Кадзуки. В коридоре воцарилась мертвая тишина — такая, будто само дыхание людей было запрещено законом.

Все знали: каждый, кто осмелится встать на пути этого человека, будет уничтожен. Но Кадзуки было всё равно. В его зрачках не было страха — только холодная, стальная решимость спасти ту, кто была для него всем миром. Воздух в коридоре будто превратился в свинец. Казалось, само пространство между двумя фигурами наэлектризовалось, готовое взорваться от малейшей искры.

Взгляды Эскофье и Кадзуки столкнулись. Это не был просто взгляд — это было столкновение двух стихий. В глазах Эскофье плясало безумное, хищное пламя, в глазах Кадзуки — холодная, застывшая сталь. Ни один из них не отвел глаз. Ни один не дрогнул. В этой тишине, длившейся целую

вечность, читалась лишь одна вещь: абсолютная, непоколебимая решимость. Тишина стала невыносимой. Кадзуки закрыл глаза на долю секунды, делая едва заметный, но глубокий вдох, словно пытаясь набрать в легкие достаточно воздуха, чтобы пережить грядущий шторм. Когда он открыл глаза, в них не осталось и тени сомнения.

— Отпусти её, — голос Кадзуки прозвучал негромко, но в этой низкой ноте была такая тяжесть, что окружающие невольно затаили дыхание. — Живо.

Эскофье замер. На его лице на мгновение отразилось удивление, которое тут же сменилось издевательской, надломленной усмешкой. Он не разжал пальцы, лишь сильнее впился в руку девушки, демонстрируя свое превосходство.

— Ты? — Эскофье хрипло рассмеялся, и этот звук был похож на скрежет металла по стеклу. — Ты — пустое место. Ничтожество, которое возомнило, будто может диктовать мне условия. Сгинь с глаз, пока я не сделал кое-что похуже.

Но Кадзуки не сдвинулся с места. Вместо того чтобы отступить, он сделал шаг навстречу, вторгаясь в личное пространство врага. Его рука молниеносно метнулась вперед. Пальцы Кадзуки сомкнулись на запястье Эскофье — крепко, мертвой хваткой.

Хруст.

Звук был негромким, но в наступившей тишине он прозвучал подобно выстрелу. Эскофье дернулся, его зрачки

сузились от внезапной, острой боли.

— Ты всё ещё хочешь продолжить? — прошептал Кадзуки, глядя прямо в безумные глаза противника. В этом шепоте не было угрозы — в нём была констатация факта. Он был готов убивать. Эскофье замер. Его лицо исказилось в гримасе, в которой смешались ярость и непривычное, глубоко запрятанное чувство опасности. Он понял: этот парень не блефует. Перед ним стоял не просто «правильный мальчик», а кто-то, кто готов переступить черту. С рыком, полным унижения, Эскофье резко выдернул руку и оттолкнул девушку в сторону. Он медленно выпрямился, поправляя одежду, и его взгляд стал ледяным.

— Хорошо, — бросил он, разворачиваясь в противоположную сторону коридора. — Считай, что на сегодня тебе повезло. Но не расслабляйся. Мы ещё встретимся. И поверь... следующая наша встреча не будет такой «доброй».

Его шаги гулко отдавались в пустом пространстве, пока он не скрылся за поворотом. В ту же секунду тишина взорвалась.

— Ого! Ты видел?! Он его просто приложил! — Кадзуки, это было невероятно! Ты настоящий герой!

— Ты спас её! Ты просто легенда!

Голоса студентов обрушились на него волной восхищения. Вокруг него мгновенно образовалась толпа, люди хлопали по плечу, шептали слова поддержки и смотрели на него как на победителя. Но Кадзуки не слышал их. Для него этот

гул был лишь фоновым шумом, далеким и бессмысленным. Он стоял посреди толпы, чувствуя, как внутри него всё дрожит от ледяного предчувствия. Его ладонь всё еще горела от хруста костей Эскофье.

«Герой?.. Какая чушь...» — думал он, глядя в пустоту перед собой. — «Я не герой. Я просто совершил самую большую ошибку в своей жизни. Я разбудил зверя, которого невозможно укротить».

Его не волновала слава. Его колотил холодный, осознанный ужас от понимания того, что он только что официально объявил войну самому отбитому психопату во всем институте. И эта война только началась.

Коридор школы казался бесконечным туннелем, вытянутым и серым. Кадзуки шел сквозь толпу, словно призрак, не задевая никого плечом, не отвечая на восторженные возгласы и шепот. Голоса одноклассников доносились до него словно из-под толщи воды: глухие, неразборчивые, лишённые смысла.

«Герой...», «Ты сделал это!», «Невероятно!» — эти слова не грели, а обжигали кожу, словно колючий лед. Он знал правду, которую они упорно отказывались принимать. Этот триумф был лишь статистической ошибкой. Ослепительной вспышкой удачи, которая не имела ничего общего с его сущностью. Завтра солнце взойдет, и маска «героя» треснет. Завтра он снова станет тем самым объектом для насмешек, тем самым «неудачником», чье имя используют как синоним

никчемности. Снова эти ехидные перешептывания за спиной, снова этот колючий взгляд сверстников, жаждущих увидеть его падение.

Но была и другая тень, тяжелая и липкая, как деготь. Эскофье. Само имя этого человека отдавалось в груди тупой болью. Кадзуки понимал: он не просто совершил ошибку, он перешел черту, за которой заканчивается обычная школьная вражда и начинается настоящая тьма. Связываться с Эскофье — это все равно что бросать вызов надвигающемуся шторму. И шторм уже начал свой путь к нему.

Дни слились в одну серую массу. Время потеряло свою линейность: Кадзуки не чувствовал ни голода, ни усталости, лишь давящее оцепенение. Когда прозвенел последний звонок, он почти бежал. Он не прощался — он спасался бегством, стараясь раствориться в сумерках, стать частью теней, чтобы никто не успел заговорить с ним, не успел потребовать продолжения того, что он не мог себе позволить.

Дорога домой заняла десять минут, которые растянулись в вечность. Каждый шаг давался с трудом, словно он шел по дну океана. Щелчок замка. Тишина дома встретила его привычным, давящим спокойствием. Кадзуки снял обувь — движения были механическими, отточенными до автоматизма. Он двигался по коридору, затаив дыхание, стараясь не производить ни единого звука, лишь бы не столкнуться взглядом с родными. В их глазах он боялся увидеть либо жалость, либо — что еще хуже — те самые ожидания, которые

он не мог оправдать.

Дверь в его комнату закрылась с едва слышным щелчком, отрезая его от остального мира. Кадзуки замер посреди комнаты. Время словно загустело, превратившись в вязкий кисель. Он стоял неподвижно, глядя в пустоту перед собой, пытаясь осознать, в какой именно момент его жизнь превратилась в этот руинированный ландшафт. Как одна искра — спасение подруги — превратилась в пожар, способный испепелить всё его будущее?

Сил стоять больше не было. Его ноги подогнулись, и он тяжело опустился на мягкую кровать. Он сидел, сцепив пальцы в замок так сильно, что костяшки побелели. В комнате было тихо, лишь мерное тиканье часов отсчитывало секунды его одиночества.

И тогда плотина рухнула. Сдерживаемое напряжение, страх перед Эскофье, горечь от осознания собственного бессилия и усталость от вечной борьбы — всё это вырвалось наружу. Первая слеза обожгла щеку, за ней вторая, третья... Он не рыдал в голос, нет. Это был безмолвный, разрывающий душу плач. Его плечи мелко дрожали, а из глаз катились горячие дорожки, оставляя влажные следы на лице. В этой маленькой комнате, под защитой четырех стен, он наконец позволил себе быть тем, кем его считали все — сломленным, одиноким и бесконечно уставшим человеком.

ГЛАВА 4

Слезы не просто текли — они казались продолжением его

самого, бесконечным потоком, вымывающим из души остатки сил. Кадзуки больше не пытался строить из себя каменную статую. Маска, которую он носил годами, чтобы защититься от насмешек и холодного взгляда Эскофье, разбилась в этот самый момент. Он рыдал — тяжело, надрывно, позволяя боли выплеснуться наружу, как яду, который слишком долго копился в теле. В этой тишине его собственного отчаяния внезапный звук показался громом.

Топ... топ... топ...

Мягкие, осторожные шаги в коридоре.

Сердце Кадзуки пропустило удар, а затем забилось в бешеном, паническом ритме.

«Нет, не сейчас. Только не сейчас! Они не должны этого видеть!» — пронеслось в голове. Движения стали резкими, почти лихорадочными. Он судорожно смахнул влагу с лица рукавом, встряхнул головой, пытаясь прогнать затуманивающий взгляд. Он беспокойно вдохнул, заставляя легкие работать ровно, и натянул на лицо привычную, пустую улыбку — ту самую, которой он привык отгораживаться от мира.

Дверь тихо скрипнула и отворилась. На пороге стояла Доми. Она замерла, и в её глазах, обычно живых и искристых, отразилось нечто, похожее на глубокую, взрослую скорбь. Она не просто вошла в комнату — она принесла с собой тяжелое предчувствие. Казалось, она почувствовала его боль через закрытую дверь, словно невидимая нить натянулась до предела. Но когда её взгляд встретился с взглядом брата, она

увидела лишь его улыбку. Натянутую, искусственную, мертвую.

В этот момент в груди у девочки что-то надломилось. Эта улыбка ударила её сильнее, чем если бы он закричал. Она увидела не радость, а результат долгой, изматывающей войны, которую Кадзуки вел в одиночку под крышей их собственного дома. Она поняла: семья, которая должна быть крепостью, стала для него клеткой, заставляющей носить маски.

Доми глубоко, судорожно вздохнула. Она не стала задавать глупых вопросов. Она не стала требовать объяснений. Она просто подошла к кровати. Её движения были медленными, почти сакральными. Опустившись на край матраса, она не произнесла ни звука. В тишине комнаты было слышно только тяжелое, сбивчивое дыхание брата.

Доми подалась вперед и просто обняла его. Её руки, маленькие и теплые, крепко обхватили его плечи, пытаясь передать ему ту опору, которой ему так не хватало.

Кадзуки застыл. Его тело было напряжено, как натянутая струна.— Что ты делаешь? — его голос прозвучал на удивление ровно, но в этой ровности сквозила ледяная пустота. Он продолжал смотреть куда-то сквозь стену, не позволяя своим глазам встретиться с её глазами. — Зачем это всё? — Просто... откройся мне, — едва слышно прошептала она.

Её голос дрожал, и Кадзуки почувствовал, как её подбородок коснулся его плеча.

— Прошу тебя, Кадзуки... Она сжала объятия чуть крепче, словно стараясь удержать его от падения в бездну.— Тебе не обязательно нести это в одиночку. Тебе не нужно притворяться, когда мы одни. Ты же знаешь... я всегда приду. Я всегда буду рядом, чего бы это ни стоило. Я ведь... я ведь очень тебя люблю.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Кадзуки молчал. Секунды растягивались в минуты. В его сознании боролись два чувства: привычный инстинкт самосохранения, велящий снова закрыться, и отчаянная, почти забытая потребность в тепле.

Внезапно его плечи едва заметно дрогнули. На губах появилась слабая, горькая, но уже настоящая усмешка.

— Я знаю, — тихо произнес он, и в его голосе впервые за день промелькнула живая интонация. — Ты единственная, кто не отворачивался. Даже когда... даже когда у меня не было ничего, что можно было бы оценить. Спасибо, Доми. Он медленно поднял руки. Словно преодолевая сопротивление невидимой преграды, он обхватил сестру в ответ. Это не было легким объятием — он прижал её к себе с такой силой, будто она была его единственным якорем в бушующем океане, единственным доказательством того, что он всё ещё существует. В этот вечер маска была окончательно сорвана, и в тишине комнаты, среди теней, двое людей нашли то, что не смог разрушить ни Эскофье, ни семья, ни весь мир.

Глава 5-6

ГЛАВА 5

Закат окрасил небо в густые оттенки багрянца и золота. Солнце медленно тонуло в горизонте, словно расплавленное золото, разливающееся по облакам. В этот миг мир казался замершим, и только двое людей застыли в объятиях, которые, казалось, могли длиться вечность. Они держались друг за друга с отчаянной силой. В этом жесте не было просто нежности — в нем читался первобытный страх. Страх того, что стоит разжать руки лишь на мгновение, и близость сменится бездонной пропастью вечного одиночества.

Кадзуки чувствовал, как внутри него что-то надломилось. Усталость — тяжелая, липкая, пропитавшая каждую мышцу и каждую мысль — навалилась на него свинцовым грузом. Не в силах больше удерживать этот фасад силы, он бессильно опустил руки. Его веки отяжелели, и, поддавшись внезапному импульсу, он просто опустил голову, устраиваясь на коленях сестры.

— Да... я так устал... — его голос, обычно твердый, сейчас звучал глухо и надтреснуто. — Больше не могу это терпеть.

Сестра вздрогнула от неожиданности, почувствовав тяжесть его головы. Легкий румянец проступил на её щеках от такой внезапной близости, но смущение быстро сменилось глубокой, щемящей печалью. Она смотрела на него сверху

вниз, не в силах отвести глаз. Его черные волосы — единственный признак, выделявший его среди остальных членов их семьи — теперь беспорядочными прядями рассыпались по её коленям. Она медленно протянула руку и коснулась его макушки. Её ладонь была теплой и невероятно нежной.

— Я даже представить не могу, через какой ад тебе приходится проходить, — прошептала она, и в её глазах блеснули слезы. — Почему они... почему родные люди так жестоки с тобой? Кадзуки замолчал.

На мгновение воцарилась тишина, прерываемая лишь далеким стрекотом цикад. Затем он едва заметно приподнял голову, и в его взгляде, устремленном в закатное небо, вспыхнул стальной огонек.

— Это неважно, — отрезал он, хотя голос всё ещё дрожал от усталости. — Пока у меня есть решимость... пока я хочу докопаться до истины... пока я намерен поступить в школу магии... никто не сможет меня остановить. Слышишь? Никто.

Сестра горько и мило усмехнулась. В её сердце кольнула острая, как игла, боль. Она знала правду, которую он не хотел слышать: без капли магии путь в академию был закрыт навсегда. Сказать ему это сейчас — значило разрушить тот хрупкий мир, который он пытался построить среди руин своей жизни. Она предпочла промолчать. Просто продолжала гладить его по волосам, даря ему ту иллюзию надежды, которая была ему так необходима.

Дзынь!

Резкий, пронзительный звук дверного звонка разрезал вечернюю тишину, словно лезвие.

Кадзуки вздрогнул всем телом. Сердце ушло в пятки, а в голове пронеслась лишь одна пугающая мысль:

«Только не он. Только не сейчас». Если это тот, кого он так боялся, то покой, который он только что обрёл, будет уничтожен окончательно.

— Кадзуки! — шепнула сестра, заметив, как он побледнел.

Он не ответил. Сорвавшись с места, он пулей вылетел со второго этажа. Ступеньки под его ногами гулко отдавались в пустом доме. Лихорадочно натянув тапки, он почти бегом преодолел расстояние до прихожей. Его била мелкая дрожь. Он замер перед дверью, боясь даже дышать.

— К-кто там? — выдавил он из себя, стараясь, чтобы голос не сорвался на крик.

— Это я, Мидзуки! — раздался за дверью мелодичный, знакомый голос.

Напряжение, сковавшее его грудь, мгновенно испарилось. Кадзуки шумно выдохнул, словно у него отобрали кислород и вернули обратно. Не веря своему счастью, он поспешно распахнул дверь.

На пороге стояла Мидзуки. Её глаза светились мягким светом, а на лице играла робкая улыбка.

— Кадзуки-кун! Я... я пришла сказать спасибо, — она

слегка склонила голову, и её щеки порозовели. — За то, что ты спас меня. Я не могла просто уйти, не поблагодарив тебя лично.

— Да брось, Мидзуки, — Кадзуки попытался вернуть себе привычный невозмутимый вид, хотя сердце всё ещё колотилось о рёбра. — Это не было чем-то особенным. Не стоит благодарности. — Нет, стоит! — она решительно сделала шаг вперед, заглядывая ему в глаза. — Раз уж я здесь... может, прогуляемся? Сегодня такая прекрасная ночь, было бы преступлением сидеть дома.

Кадзуки замаялся. Его тело всё ещё требовало сна, а разум — тишины. Но, глядя на её сияющее лицо, он не смог отказать.

— Ну... если ты настаиваешь, — едва заметно улыбнулся он. — Пошли.

ГЛАВА 6

Ночной воздух был прохладным и свежим. Кадзуки и Мидзуки медленно уходили прочь от освещенного дома, их силуэты постепенно растворялись в наступающих сумерках.

В окне второго этажа, за полужа shutterенной занавеской, замерла Доми. Она смотрела им вслед, и на её губах играла слабая, теплая улыбка — она искренне радовалась за них. Но следом за этой радостью в груди начал зарождаться холодный, липкий комок. С каждым их шагом, удаляющимся от дома, этот необъяснимый страх пульсировал в её сердце всё сильнее.

«Что-то не так... — пронеслось в её голове. — Почему мне кажется, что эта прогулка — лишь затишье перед бурей?» Но она лишь тряхнула головой, пытаясь отогнать навязчивые мысли. «Это просто воображение. Глупости», — убеждала она себя, оставаясь в тени.

Тем временем на улице царило безмолвие. Город затих, люди разошлись по своим домам, оставив улицы во власти лунного света и длинных теней. Кадзуки шел рядом с Мидзуки, ощущая странную смесь чувств. Ему было неловко от того, насколько близко они сейчас находились друг к другу, но в то же время в груди разливалось теплое чувство гордости. Видеть её — живую, спокойную, способную просто гулять под ночным небом — было для него высшей наградой.

Тишина становилась слишком плотной, почти осязаемой. Она давила на плечи, заставляя сердце биться чаще. Не в силах больше выносить это гнетущее молчание, Кадзуки нарушил его, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно.

— Слушай, Мидзуки... — он бросил на неё быстрый взгляд. — Как твои успехи? Как тренировки по управлению водой?

Улыбка мгновенно сошла с лица девушки. Её взгляд затуманился, а плечи слегка опустились. В этом мимолётном изменении настроения промелькнула такая глубокая печаль, что Кадзуки почувствовал укол вины.

— Ох, прости... Я не хотел... — начал было он, чувствуя, как внутри нарастает беспокойство.

— Нет-нет, всё в порядке! — перебила она его, но не словами.

Мидзуки сделала глубокий вдох, сосредоточилась, и вдруг воздух вокруг её ладоней задрожал. Из ничего, прямо из ночного воздуха, материализовалась струя чистой воды. Она послушно, словно живое существо, закружилась в танце, принимая причудливые формы: то превращаясь в хрупкий цветок, то в изящную волну, то в сверкающий шар.

Кадзуки застыл, замороженный этим зрелищем. Его глаза расширились от искреннего восхищения.

— Это... невероятно, Мидзуки! Ты стала намного сильнее!

Но...в глубине души, где-то под слоем радости, кольнула старая, незаживающая рана. Этот свет магии невольно напомнил ему о тех холодных коридорах школы, о ядовитых смешках одноклассников и презрительных лицах учителей. «Бездарность... Ноль... Тот, у кого нет искры», — эхом отозвались в его памяти их насмешки.

Он сжал кулаки, подавляя вспышку горечи, и заставил себя улыбнуться еще шире. Он не позволит своей тени омрачить её триумф.

Снова воцарилась тишина, но теперь она была другой — более мягкой, доверительной. На этот раз тишину нарушила Мидзуки. Она шла расслабленно, закинув руки за голову, и её голос звучал мечтательно.

— Слушай, Кадзуки... а чем ты планируешь заняться,

когда закончится обучение? До диплома ведь всего ничего осталось.

Кадзуки замер. На мгновение мир вокруг перестал существовать. Он почувствовал, как время замедлилось. Он не ответил сразу, и эта пауза заставила Мидзуки вопросительно приподнять бровь.

— Я поступлю в школу магии, — произнес он. Его голос был тихим, но в нем звучала такая непоколебимая уверенность, что она резала воздух.

Мидзуки застыла. Её глаза округлились, а рот слегка открылся от изумления. Она смотрела на него так, словно он только что заявил, что собирается покорить Луну.

— Что?.. — выдохнула она.

— Почему ты так смотришь? Что случилось? — спросил Кадзуки, заметив её ошарашенный вид.

Мидзуки вдруг звонко рассмеялась, прикрыв рот ладонью.— Ой, прости! Просто... поймала смешинку. Ты всегда такой серьезный, когда говоришь о своих целях. Это так... в твоём стиле.

Кадзуки лишь промолчал, отводя взгляд на темное небо.

Они прошли еще несколько метров и внезапно вышли к старому каменному мостику. Внизу, в глубоком ущелье, протекала река. В лунном свете её воды казались расплавленным серебром; она текла плавно и величественно, отражая звезды, словно упавшие в бездну небесные светила. Дух захватывало от этой первозданной красоты. Кадзуки заворо-

женно повернул голову, чтобы поделиться впечатлением, но слова застряли у него в горле. Мидзуки уже стояла рядом. Она не просто стояла — она мягко, но уверенно переплела свои пальцы с его пальцами, увлекая его к самому краю моста.

— Посмотри, — прошептала она, и её голос слился с шепотом воды внизу. — Давай просто побудем здесь. Давай насладимся этим моментом... вместе.

Кадзуки почувствовал тепло её руки, и в этот миг все страхи, все унижения и вся усталость отступили на второй план. Осталась только прохлада ночи, мерцание реки и тепло её ладони в его руке. Мир вокруг них словно замер. Кадзуки чувствовал тепло ладони Мидзуки, и в этом прикосновении была вся его опора. Река внизу пела свою бесконечную колыбельную, отражая звёзды, и на мгновение показалось, что время остановилось. Они могли бы стоять так вечно, не разжимая рук, запертые в этом коконе спокойствия.

Но...вечность была разбита вдребезги.Резкий, ледяной порыв ветра полоснул их по спинам, словно невидимое лезвие. Температура воздуха мгновенно упала, пропитывая одежду сырым холодом. И прежде чем они успели среагировать, тишину ночи разорвал звук.

Хлоп... хлоп... хлоп...

Это были хлопки в ладоши. Но в них не было ни капли восхищения. Это был сухой, издевательский звук, полный ядовитого сарказма. Словно невидимый зритель аплодиро-

вал их несчастью, праздную очередную встречу.

Страх, дремавший в глубине души Кадзуки, внезапно вырвался наружу, парализуя конечности. По его виску медленно скатилась капля холодного пота. В этот раз его не спасала былая смелость. Она не просто покинула его — она испарилась, оставив лишь пустоту и леденящее предчувствие катастрофы.

Инстинкты сработали быстрее разума. Повернувшись, Кадзуки резко выставил руку, закрывая собой застывшую от ужаса Мидзуки. Он чувствовал, как она дрожит, как её дыхание становится прерывистым и рваным.

— Опять вы... — выдохнул он, и его голос предательски дрогнул. Этот голос. Эта надменная, тягучая манера речи. Кадзуки не нужно было оборачиваться, чтобы понять: это Эскофье. И он пришёл не один. Тени за его спиной шевелились — банда, его верные псы, пришедшие разделить триумф охотника. Эскофье медленно, с грацией хищника, вышел на свет луны. Его шаги по камню моста звучали как удары молота по гробу. Кадзуки почувствовал, как по коже пробежал ток — не от страха, а от исходящей от врага ауры.

Эскофье владел магией огня — одной из самых разрушительных и яростных стихий, и сейчас этот огонь тлел в его глазах, готовый вспыхнуть в любую секунду.

— Ну и чего вы так испугались? — Эскофье растянул губы в жестокой, издевательской усмешке. — В институте вы, ребята, казались куда смелее. Неужели ночная прогулка вы-

била из вас всю спесь?

Его приспешники загоготали, подливая масла в огонь. Один из них, выступив чуть вперед, ехидно добавил:

— Эй, лидер, а ты слышал тот забавный слушок? Говорят, этот пацан вообще не обладает магическими способностями! Эскофье замер. Его лицо исказила отвратительная, перекошенная улыбка. Он небрежно посмотрел на Кадзуки, словно тот был грязью на его сапоге.

— Так вот оно что... — протянул он, и его голос стал опасно низким. — Значит, это он? Этот отброс, у которого нет даже искры, осмелился перечить мне? Это он?!

Громовой хохот банды ударил по ушам Кадзуки. Этот смех не был просто звуком — он был физической болью. Он возвращал его в тот кошмарный школьный класс, к тем бесконечным дням унижений, когда его называли «пустым местом» и «бездарностью». Прошлое, от которого он так отчаянно пытался убежать, настигло его здесь, на этом красивом мосту. Но внезапно смех оборвался. Так же резко, как и начался. Наступила мёртвая, звенящая тишина. Даже смех банды стих, сменившись тяжёлым, предвкушающим напряжением. Было слышно только, как внизу, в бездне, с глухим рокотом продолжает течь река. Кадзуки напрягся. Каждая мышца в его теле превратилась в стальную струну. Он был готов к удару, к крику, к магии... но он не был готов к тому, с какой скоростью это произойдет.

Эскофье не стал читать нотаций. Он не стал использовать

заклинание. Он просто сократил дистанцию одним стремительным рывком.

Удар.

Кулак, усиленный магическим импульсом, врезался Кадзуки прямо в челюсть. Удар был такой сокрушительной силы, что мир перед глазами Кадзуки взорвался искрами. Тело отбросило назад, как тряпичную куклу. Он пролетел несколько метров, тяжело ударившись спиной о перила моста.

В голове зашумело, а во рту появился отчетливый металлический вкус. Кадзуки с трудом сглотнул, и из его носа на камни моста упала густая, алая струя крови, ярко контрастируя с холодным лунным светом.

— Вставай, отброс, — холодно произнёс Эскофье, вытирая костяшки пальцев. — Твоё шоу только начинается

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.